

Andrzej Polak

Uniwersytet Śląski
Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Zakład Historii Literatury Rosyjskiej
41-205 Sosnowiec
ul. Grota-Roweckiego 5

Современная русская социальная фантастика (2017 Ольги Славниковой)

В рамках современной русской фантастики функционирует большое количество поджанров – фэнтези, стимпанк, либерпанк, романы ужасов (хорроры), постапокалиптика. Кроме них, популярностью пользуется также социальная фантастика, в рамках которой можно выделить такие направления, как альтернативно-историческая проза, футуро-историческая фантастика и альтернативная футурология. Согласно Светлане Козловой, в первом из названных типов историю мира меняет внешнее воздействие, во втором социальные модели далекого прошлого проецируются в будущее, а в альтернативной футурологии будущее проектируется по принципу возможных вариантов¹. Примером социальной фантастики первого типа может послужить роман Василия Аксенова *Остров Крым* (1981). Другой тип футуро-исторической прозы представляет пьеса Иосифа Бродского *Мрамор* (1982), а также роман Владимира Сорокина *День опричника* (2006). Оба произведения построены на парадоксальной логике расхождения культуры и цивилизации, вследствие чего социальное строительство регрессирует в архаическое прошлое. К третьему виду альтернативной футурологии принадлежит роман Ольги Славниковой *2017* (2006). Как утверждает Козлова, это не столько исторический, сколько метафорический роман, в котором фантастика используется для выражения социальных прогнозов недалекого будущего. По прогнозу Славниковой, к 2017 году осуществится мечта человечества о свободном, счастливом и комфортабельном существовании. Всеобщий прогресс освободит многих людей от труда, что, однако, приведет

¹ С. Козлова, *Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе*, [Электронный ресурс] <http://www.philology.ru/literature2/kozlova-08.htm> [12.03.2013].

к обесцениванию человека. Возникнет мир, в котором людей дешевле будет кормить, чем держать для них дорогие рабочие места².

В русской фантастике последних десятилетий особого внимания заслуживают футурологические прогнозы; содержащиеся в них социально-политические модели следует признать альтернативными реальной истории России XX века. После распада Советского Союза фантастика перестала быть делом лишь писателей-фантастов; ее мотивы, темы все чаще входят в произведения авторов других направлений и стилей, между прочим Василия Аксенова, Татьяны Толстой, Людмилы Петрушевской, Людмилы Улицкой, Виктора Пелевина и многих других. В массовой литературе фантастика приобретает прежде всего развлекательный характер и служит коммерческим задачам, однако «толстые журналы» постоянно пытаются сохранять традиции советской фантастики 1960-х годов, в которой преобладали гражданский пафос, социально-философский анализ, а даже попытки создавать научные гипотезы.

Согласно критикам и литературоведам, одной из особенностей русской литературы после 1990 года является популярность социальной фантастики, что объясняется современным культурным кризисом и считается симптомом социальной неуверенности, воспринимания настоящего как эпохи переходной. В декадентские периоды, отмечает С. Козлова, настоящее обесценивается, утрачивает значение и интерес как ненужное продолжение неопределенной длительности; оно оценивается отрицательно. С другой стороны, будущее оказывается столь же неопределенным и опасным, оно мыслится как конец всего того, что человек знает и понимает. В такой ситуации прошлое обретает смысл как проект будущего. Каждая альтернативная история означает необходимость выбора одного из предлагаемых прошлым и настоящим социальных моделей будущего. Это означает, что мы имеем дело не с фантастическим моделированием параллельных исторических миров, а с футурологическим прогнозом³.

Современные русские альтернативные истории выражают тревоги и страхи перед будущим, вызванные травматическим опытом истории России в XX веке. Однако обращение к прошлому не связано с попыткой изменить исторические события, но становится способом моделирования будущего. Вариативные социальные модели синтезируются в рамках одного произведения и соединяют различные жанровые модификации социальной фантастики, функционирующие как аксиологическая система ценностных ориентаций данного писателя. Следует отметить, что большинство русских фантастов предпочитает эволюционные формы исторического развития и отбрасывает революционные; им больше нравятся экологические проекты

² Там же.

³ Там же.

будущего, чем технократические, они больше ценят национальные духовные ценности, чем глобалистские стандарты.

Как доказывает Дмитрий Володихин, социальная фантастика уже в 1980-е годы прошлого века была фундаментом русской научной фантастики. Однако в следующем десятилетии этот жанр значительно потерял свое значение, прежде всего из-за происходящих в России рыночных перемен⁴. Кроме того, многие читатели не могли простить фантастам полного футурологического провала. Практически ни один из них не смог предсказать драматические события 1991 года. По этому поводу, в первой половине девяностых годов этот вид фантастической литературы как тиражами, так и по количеству изданных произведений устремился к нулевой отметке. Однако это положение быстро стало изменяться. Возрождению социальной фантастики способствовали финансовый кризис 1998 года, война в Чечне, а также все больше странное поведение Бориса Ельцина. Писатели вновь заинтересовались социально-политической системой России, их беспокоило ее нынешнее положение, многие из них хотели бы кое-что изменить в стране.

Такие стремления фантастов Володихину кажутся полностью естественны и согласны с русской традицией. Писатель напоминает, что в научной фантастике футурологический элемент всегда имел большое значение. Опубликованная в 1965 году статья Джона Кэмпбелла *An American Society for Testing Theories* положила начало борьбе между несколькими версиями будущего, которые поддерживались разными общественными силами. Хотя советский вариант кончился много лет тому назад, то долгое время в России ничто не могло его заменить⁵. Изменения вызвала лишь глобализация. В России постоянно идет спор между так называемыми глобализаторами и антиглобалистами. Этот спор ведется не только на уровне большой политики, но и в рамках фантастики, прежде всего социальной. Для русских писателей эта полемика имеет особое значение, среди них можно найти как сторонников глобализации (их конечно меньше), так и ее противников.

За глобализацией высказался, например, ветеран русской научной фантастики Владимир Михайлов (1929–2008), который описал ее прелести в романе *Тело угрозы* (2003). Однако экономические и политические проблемы 1990-х годов привели к тому, что западников в России очень мало и, мягко говоря, они не слишком популярны. По этой причине среди русских фантастов преобладают антиглобалисты. К ним принадлежат Михаил Тырин (*Желтая линия*, 2002), Виктор Косенков (*Моя война*, 2003), Михаил Харитонов (*Дракон XXI*),

⁴ Д. Володихин, *Война сценариев*, [Электронный ресурс] <http://www.apn.ru/publications/article1596.htm> [23.08.2014].

⁵ Там же.

Кирилл Бенедиктов (*Война за «Асгард»*, 2003), а также Дмитрий Володихин (*Убить миротворца*, 2003)⁶. Самым популярным антиглобалистом современной России многие признают Хольма ван Зайчика (псевдоним писателей Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимova), автора цикла романов *Евразийская симфония*, который выдает себя за «еврокитайского гуманиста». Антиглобалистом называют также Геннадия Прашкевича, автора повести *Золотой миллиард* (2005), хотя его отношение к глобализации замысловато; писатель не высказывается ни за, ни против, так как понимает, что Россия может пострадать от участия и неучастия. Впрочем, России в произведении Прашкевича к моменту начала действия – как и других стран – уже не существует. В результате истощения естественных ресурсов человечество разделилось на так называемый «золотой миллиард» – т. е. счастливых, блаженствующих в городе Экополис, – и остальных семь миллиардов, влачащих жалкое существование на так называемых Территориях.

Среди футурологических проектов русских фантастов можно разделить две противоборствующие модели, которые исследователи описывают как «часть мира» и «один из миров»⁷. В первом из них глобализация представлена как естественный путь развития, необходимый России и всему миру. Именно такую действительность описывает Михайлов в упомянутом романе *Тело угрозы*. Однако русские фантасты чаще используют иной, конкурентный вариант; хотя Россия избирает тот же путь развития, то русские сохраняют неповторимый национальный характер и четкую самоидентификацию. Примером может послужить повесть Олега Дивова *У Билли есть итуковина* (2005). Третий – промежуточный вариант – представляет собой роман Вадима Панова *Московский клуб* (2005), в котором представлен оригинальный, не вписывающийся в стандартные сценарии вид глобализации. Традиционные государства (например, бедная и варварская Россия) сохранили свою роль, но в финансовом и технологическом отношениях доминируют корпорации, свернувшие крупные города в закрытые для правительств «анклавы». В этих обстоятельствах молодые добровольцы из московского «анклава» приступают к борьбе, результатом которой должно быть уничтожение «анклавов» и возрождение великой России. Значит, по Панову, глобализацию надо принять, воспользоваться ее сильными сторонами, а потом ликвидировать корпорации изнутри.

Сценариев, допускающих для России возможность включиться в глобализационный процесс, очень мало. На много чаще Россия пытается стать самостоятельным государством, отдельной цивилизацией, которая на все лады сопротивляется предполагаемым западным оккупантам – НАТО,

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Соединенным Штатам и Евросоюзу. Например, в романе Олега Кулагина *Московский лабиринт* (2005) после проигранной ядерной войны с американцами русские переходят к партизанской борьбе на развалинах Москвы.

Глобализации пытается сопротивляться одно из направлений современной русской фантастики, известное как либерпанк. В его рамках либеральная западная модель цивилизации рассматривается как серьезная угроза не только для России, но и всего мира. Писатели, практикующие либерпанк, рисуют мир будущего, в котором победил либеральный вариант развития и либеральная идеология. Таким образом, возникает мир «угнетающей свободы», где «индивид принесен в жертву идолам Рынка и Закона». Авторы либерпанка предостерегают от экспансии со стороны Запада и западного стиля жизни, а также от чрезмерной стандартизации. Согласно Дмитрию Володихину, популярность либерпанка свидетельствует о неприятии англо-американского либерализма русской интеллигенцией. Оказывается, что эти правила игры совсем чужие русской цивилизации, похоже как и китайской, основанной на конфуцианской этике. В современной России существует могучий центр отрицания западного либерализма, который строит свою самоидентификацию путем отталкивания западных стандартов⁸.

В произведениях русских фантастов можно выделить четыре сценария, благодаря которым Россия достигает приемлемого состояния. Хотя она не является дольше сверхдержавой, то все-таки в стране понижается уровень криминализации, повышается роль государственных управлений, увеличивается общее благосостояние граждан, а правительство снова обретает контроль над внешней политикой:

1. Военный переворот. Его находим, например, в романе Юрия Полякова *Демгородок* (1993), а также в *Укусе ангела* (2000) Павла Крусанова. Это наиболее реалистический сценарий и наиболее предсказуемый по своим результатам.
2. Правительство создает новые силовые структуры, независимые от коррумпированных чиновников и аппарата МВД. Их задача заключается в том, чтобы провести в стране масштабную зачистку потенциальных врагов государства. К такому сценарию обращается Олег Дивов в романе *Выбраковка* (1999), а также Сергей Чекмаев в *Анафеме* (2004) и Виктор Косенков в *Новом порядке* (2005), где власть прибегает к помощи людей униженных и обиженных, которые не приспособились к новой действительности. У Косенкова моральную революцию совершают честные и неподкупные, а у Чекмаева – глубоко верующие.
3. Россия всеми силами пытается сохранять культурную самостоятельность, заботится о пропаганде языка, веры и культуры. Правительство

⁸ Там же.

распространяет народные ценности в учреждениях и администрации, ради будущего поворота страны к православной версии консервативной революции. Этот сценарий появляется, например, в произведениях Дмитрия Володихина.

4. Русские сознательно подчиняют страну внешнему иноцивилизационному влиянию (чаще всего восточному), отличному от евроамериканского. Такой вариант избирают в своих произведениях Андрей Столяров и Владимир Михайлов⁹.

Современная русская литература – как «высокая», так и популярная – отражает актуальные политические настроения россиян. Если в 1990-е годы и в самом начале XXI века писатели занимались прежде всего прошлым страны (их интересовали переломные события – Октябрьская революция, гражданская война, Отечественная война, сталинские репрессии, распад СССР), а также отличающим здешнее общество апокалиптическими настроениями (нарп., *Укус ангела* П. Крусанова, «ледяная трилогия» В. Сорокина), то сегодня их место занимает **близкое будущее** российского общества и государства. Как устанавливает Александр Чанцев, первым эту тенденцию в романной форме выразил Дмитрий Быков в *Эвакуаторе* (2005). Вскоре к его роману примкнули такие произведения, как *2008* (2005) Сергея Доренко, *2017* (2006) Ольги Славниковой, *ЖД* (2006) Д. Быкова, *Заложник* (2006) Александра Смоленского и Эдуарда Краснянского, а также *День опричника* (2006) Владимира Сорокина. Почти все эти книги были отмечены литературными премиями – «Русский Букер», «Бронзовая Улитка», «Полдень», «Национальный бестселлер», «Аэлита»¹⁰. Названные романы следует воспринимать как памфлет на русскую политику и политиков; все они касаются «проблемы 2008 года», т. е. ухода или неухода от власти президента Путина и ожидаемых выборов его преемника. Популярность избирательной тематики свидетельствует об заинтересованности русских ближайшим будущим их страны. Этот вопрос занимает авторов, находящихся на противоположных краях литературного и общественно-политического поля, между прочим бывшего банкира-олигарха Смоленского, сторонника коммунистической партии Доренко, представительницу литературных кругов Славникову. Их произведения близки жанру дистопии. К этой группе можно также отнести роман Сергея Минаева *Mediasapiens. Повесть о третьем сроке* (2007).

В современной русской массовой литературе дистопии пользуются особой популярностью. Согласно Чанцеву, мода на «антиутопию близкого действия» вызвана несколькими факторами. Во-первых, в русской литературе

⁹ Там же.

¹⁰ А. Чанцев, *Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х*, «Новое литературное обозрение» 2007, № 86, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16-pr.html> [12.11.2013].

изживание исторических травм уступает место футурологическим прогнозам. Во-вторых, тема абстрактного апокалипсиса в произведениях конца XX – начала XXI века сменяется конкретными, хотя пессимистическими прогнозами. И, в-третьих, в России – а также в других странах – исчезает публичная политика, место которой занимают вопросы менее важные¹¹.

Изображенное в названных произведениях государство обладает признаками, свойственными для антиутопий (дистопическое предупреждение), а события, хотя и разворачиваются в будущем, в действительности касаются настоящего времени. Кроме того, во всех романах важную роль играет сатира. Будущее России не выглядит в них слишком оптимистически. В какой-то степени исключением является роман *2017* Славниковой, но представленный здесь сценарий повторяет далекое прошлое – революцию 1917 года. В произведении описана так называемая «ряженая революция», которая происходит в 2017 году и повторяет события вековой давности. Во время торжественного празднования годовщины великого Октября неожиданно имеют место серьезные беспорядки. Так называемый «Вирус Истории» сначала захватывает столицу Рифейского края, а потом пробирается в другие города. Тысячи россиян одеваются красноармейцами и их политическими противниками, после чего начинаются волнения. Предлогом служат городские праздники.

Столкновения «красных» и «белых» совершаются также в Перми, Астрахани и Иркутске. В Петербурге революционные «матросы» снова захватывают крейсер «Аврора», из которого обстреливают Зимний Дворец. Кровавые сражения повторяются в спокойном до сих пор Тобольске, где студенты, притворяющиеся дроздовцами¹², борются со сторонниками революции. Наконец «Эпидемия Истории» распространяется и на Москву.

Действительность, в которой живут русские, оказывается все более искусственная, а они сами чувствуют себя как нереальные герои романов. Русские политики напоминают не живых людей, а становятся реализацией всякого рода избирательных проектов. Внешний вид президента страны до той степени соответствует воображениям людей, что его преемниками избираются похожие светловолосые силачи. Этот принцип касается также хозяинов столицы Рифейского края. Согласно сплетням: «[...] достопамятный политик, и его преемник, и нынешний отец рифейцев, украшающий собою в преддвери праздника сотни торцов и фасадов, – один и тот же человек»¹³. Таким образом, возникает совсем новая действительность, мир копий без

¹¹ Там же.

¹² Название отрядов Вооруженных сил Юга России, которыми руководил один из организаторов сопротивления «белых» на юге страны генерал Михаил Дроздовский (1881–1919).

¹³ О. Славникова, *2017*, [Электронный ресурс] http://royallib.ru/read/slavnikova_olga/2017.html#0 [12.09.2014]. Дальше цитирую по тому же изданию.

оригинала, которую Жан Бодрийар описывал как мир симулякров – более подлинный, чем настоящая действительность; эта последняя почти полностью исчезает¹⁴. По мнению Крылова, главного героя романа, нынешние события (Октябрьская революция) вызваны невозможностью договориться между правительством и остальной частью общества. Однако современным россиянам не хватает соответствующего языка, чтобы выразить свои чувства и настроения. В результате они вынуждены использовать старые формы. Этот конфликт, объясняет Крылов, нарастал с 1990-х годов. Однако без подходящей одежды, т. е. шинелей, кожаных курток, буденовок, «нет в чем выйти к людям». Импульсом к волнениям становится отсутствие харизмы у актуальных политических руководителей.

Роман Славниковой принадлежит к самым сложным и многоплановым современным русским дистопиям. Это любовная история камнереза Крылова и загадочной Татьяны, которая в конце концов оказывается страшной Хозяйкой Медной Горы¹⁵. Действие развивается на фоне государственных катаклизмов, начинающихся во время празднования столетия Октябрьской революции. В произведении важную роль играет рифейский (на самом деле уральский) фольклор (кроме Хозяйки Горы появляется также Великий Полоз, Олень с серебряными копытами, духи земли, шаманы, ледяной пламень). Славникова затрагивает также тему «местного сепаратизма» – московские власти поставляют в «столицу Рифейского края» свою «чиновную элиту», которая занимает место здешних богачей. Древние мифы оживают с усилением кризиса внутри страны и выступают в роли альтернативы сложившейся реальности. Как отмечает Чанцев, «хтонические» народные верования помогают сопротивляться навязанным государством порядкам¹⁶.

В романе реставрация прошлого – как средневекового, так и советского – сопровождается киберпанковской футурологией. Хотя в 2017 этих мотивов значительно меньше, чем, например, в *Дне опричника* Сорокина, также здесь герои пользуются лазерными ключами, мобильными телефонами, оснащенными видеосвязью, и книгами с голографическими обложками¹⁷. Как утверждает Тамара, бывшая жена Крылова, небольшое количество технических инноваций имеет свое объяснение – вал технических новинок типа сотовой видеосвязи, биопластики, сверхтонких мониторов,

¹⁴ А. Чанцев, *Фабрика антиутопий*...

¹⁵ Персонаж, заимствованный у Павла Бажова (1879–1950), писателя родом из тех же сторон, что и Славникова (район Екатеринбурга). Хозяйка Медной Горы считается хранительницей минералов и драгоценных камней; она предстала перед людьми в виде красивой женщины или ящерицы в короне. Согласно другому варианту, Хозяйка Медной Горы была местным эквивалентом Венеры – римской богини любви.

¹⁶ А. Чанцев, *Фабрика антиутопий*...

¹⁷ О продвижении глобализации косвенно свидетельствует факт, что служанка жены Крылова происходит из Африки.

голографического видео, первых чипов в медицине был заторможен в конце первой декады XXI века. В итоге в следующие годы нужен был застой, так как экономическая бомба хуже бомбы ядерной. В мире сверхвысоких технологий «из восьми миллиардов хомо сапиенсов семь с половиной ни для чего не нужны».

Несмотря на технический прогресс в России, популярностью пользуется все, что сочетается с русским средневековьем. В одном из ресторанов Тамара, современная бизнес-леди, сидит

под стилизованным портретом Президента РФ, на котором глава Российского государства был изображен в виде богатыря на страшном косматом коне, держащим меч размером с доску из хорошего забора.

Потом она обязательно пробует четырех видов кваса. Возрождаются также самые плохие реалии советского прошлого – взятая из Мавзолея мумия Ленина «гастролирует» по стране, восстанавливаются разрушенные памятники (между прочим Дзержинскому), школы «возрождают традиции советской педагогики», а в магазинах вновь можно купить консервы, «напоминающие противопехотные мины». Тамара в своем бизнесе встречается с бюрократическими препятствиями в худших советских традициях. Картина действительности противоречива и пестра. В России Славниковой сосуществуют реалии российско-советские с европейско-американскими; в ходу доллары, а в кинотеатрах идут прежде всего голливудские блокбастеры.

В произведении можно найти не только намеки на прошлое России, но и на ее настоящее. Президент государства внешне похож на великого Путина, служившего для кандидатов идеальным образцом, а на место мэра столицы Рифейского края –

пришел в точности такой же, а потом еще один – [...] поговаривали, будто достопамятный политик, и его преемник, и нынешний отец рифейцев, [...] – один и тот же человек.

Как отмечает Александр Чанцев, это своеобразное «клонирование» власти описывается и в других произведениях, например в романе Алексея Лукьянова *Спаситель Петрограда* (2004). Согласно исследователю, этот феномен свидетельствует об настоящих настроениях российского общества (вопрос «третьего срока»), сталкивающегося с явлением повторяемости власти, превращения демократической смены руководства в циклический процесс его «вечного возвращения»¹⁸.

¹⁸ А. Чанцев, *Фабрика антиутопий...*

Andrzej Polak

Contemporary Russian Social Science Fiction: Olga Slavnikova's *2017*

(Summary)

In the first part of the article the author presents phenomena characteristic of current Russian social fiction, focusing on genres such as alternative history, futuro-historical fiction and alternative futurology. In the Russian literature of the last two decades, futurological forecasts draw attention. As part of social-political projects, they offer an alternative to the real history of Russia in the 20th century. The second part of the paper discusses the novel *2017* by Olga Slavnikova, considered one of the most interesting examples of alternative futurology.

Keywords: Slavnikova, strange revolution, social science fiction, alternative history.